

Оглавление

Введение 11

Моя книга — это не история нашей постмодернистской болезни, понять которую крайне сложно, и не пандемий как таковых. Это общая история самых разных катастроф: геологических, геополитических, биологических, технологических... Ведь как нам, ничего не зная о них, верно увидеть беду — хоть свою, хоть любую другую?

ГЛАВА 1. О смысле смерти 31

В наши дни ожидаемая продолжительность жизни намного превышает прежние уровни — но смерть все так же неизбежна. И пусть даже мы от нее отдалились, в абсолютном выражении она встречается чаще, чем когда-либо. Обречены не только отдельные люди — обречен весь наш человеческий род. Все мировые религии и ряд светских идеологий стремились представить конец света еще более неотвратимым (и обязательным), чем он есть на самом деле. Но нам стоит бояться не Судного дня, а большой катастрофы — и именно такими в нашей истории оказывались пандемии и войны.

ГЛАВА 2. Циклы и трагедии 59

Катастрофы по сути своей непредсказуемы. Великое их множество, от землетрясений до войн, не подчиняется нормальному распределению — и никакой прогноз не имеет над ними власти. Сторонники исторического циклизма, строя свои концепции, не в силах ничего с этим поделать. Катастрофы сродни трагедиям: тех, кто пытается их предсказать, часто никто не слышит. А Кассандры не просто пророчат больше несчастий, чем происходит на самом деле, — им еще и приходится противостоять предрассудкам, имя которым легион. Что же до большинства людей, то они, оказавшись перед лицом неизвестности, просто решают забыть, что сами рискуют пасть жертвой катастрофы. “В аду я слышу колокольный звон — по вам, но не по мне”, — пели солдаты в дни Первой мировой войны. Сейчас эти строки могло бы петь все человечество.

глава 3. Серые носороги, черные лебеди, драконы короли91

Катастрофы часто можно предвидеть (“серые носороги”). Но даже предсказанные беды могут показаться совершенно неожиданными, когда приходит их час (“черные лебеди”). А иногда они не просто приводят к избыточной смертности, но и влекут за собой другие серьезные последствия (“драконы короли”). Катастрофы нельзя назвать ни “естественными”, ни “рукотворными”. Едва ли не все стихийные бедствия в некотором отношении являются антропогенными, ведь это мы решаем селиться в зонах вероятных бедствий — у вулканов, на линии разлома, рядом с рекой, подверженной обильным паводкам. Если исчислять масштаб катастроф в потерянных жизнях, то самые страшные и жестокие из них случаются в Азии. А великое американское бедствие по азиатским стандартам не столь и катастрофично.

глава 4. Сетевой мир135

Определяющий фактор масштаба катастрофы — ее способность к быстрому распространению. Поэтому структура социальных сетей оказывается такой же важной, как и внутренние свойства патогена или чего-либо другого (скажем, идей), обладающего высокой вирусностью. Люди осознали эффективность карантинных, социальной дистанции и прочих “немедикаментозных” мер задолго до того, как разобрались с истинной природой заболеваний, с которыми приходилось бороться, — от оспы до бубонной чумы. Эти меры прежде всего призваны преобразить сетевые структуры, чтобы мир был не таким “тесным”. Преображение может произойти спонтанно, но, как правило, предписывается сверху.

глава 5. Заблуждения науки181

XIX век поистине был эпохой революционных прорывов, особенно в бактериологии. Но не стоит слепо разделять воззрения либералов на историю медицины. Империя форсировала темпы исследований инфекционных заболеваний, но наряду с этим ускоряла и глобализацию мировой экономики, создавая новые возможности для болезней, не все из которых можно было победить вакцинацией или терапией. Грипп 1918 года стал жестоким откровением: наука не всемогуща. Да, сейчас мы гораздо лучше осознаем риски, но это может быть нивелировано усилением сетевой интеграции и хрупкости.

глава 6. Психология политической некомпетентности223

Мы склонны возлагать слишком большую ответственность за политические катастрофы и военные трагедии на неумелых лидеров. Амартия Сен говорил, что массовый голод порождается вовсе не нехваткой

продовольствия, а неподотчетными действиями правительств и несостоятельностью рынка, которой можно было бы избежать. Лучшее средство от голода, по мнению Сена, это демократия. Эта теория вполне способна объяснить некоторые их самых страшных случаев голода за полтора столетия: с 1840-х до 1990-х годов. Но только ли к голоду она применима? Почему не применить ее к самой “рукотворной” катастрофе — войне? Парадоксально, что переход от империй к более-менее демократическим национальным государствам сопровождался таким торжеством разрушения и смерти.

глава 7. От “лихорадки буги-вуги” до “Эболы в городе” 269

В 1957 году, когда появился новый смертоносный штамм гриппа, казалось, что самый разумный ответ — это достижение общего иммунитета в сочетании с селективной вакцинацией. Никто не устраивал никаких “локдаунов”. И никто не закрывал школы, хотя азиатский грипп тогда был почти так же опасен, как COVID-19 в 2020 году. Меры, принятые Эйзенхауэром, не просто отразили находчивость и решительность федерального правительства. Они принимались в контексте холодной войны — и именно на ее фоне страны всего мира стали намного охотнее сотрудничать в вопросах, связанных с общественным здравоохранением. Но все же успехи 50-х, 60-х и 70-х годов XX века были обманчивы. Распространение ВИЧ/СПИД обнажило многие слабости национальных и международных организаций, а в дальнейшем точно так же, только по-своему, их выявили SARS, MERS и Эбола.

глава 8. Фрактальная геометрия катастрофы 315

Аварии — подобные гибели “Титаника” или “Челленджера”, Чернобыльской трагедии — происходили и будут происходить. Малые бедствия устроены так же, как большие, только они проще и их легче понять. Общая черта всех катастроф — будь то кораблекрушение или взрыв ядерного реактора — это сочетание ошибок операторов и руководителей. Часто слабое звено — это не верх (“тыл”) и не точка контакта (“передовая”), а кадры среднего уровня. Это наблюдение применимо к самым разным случаям. И это любимая тема нобелевского лауреата, физика Ричарда Фейнмана.

глава 9. Эпидемии 357

Как и многие пандемии прошлого, COVID-19 начался в Китае. Но разнообразное распространение болезни в других странах опрокинуло все расчеты. США и Великобритания, вопреки ожиданиям, оказались не готовы к пандемии, а вот Тайвань и Южная Корея хорошо выучили урок, преподнесенный SARS и MERS. Было заманчиво возложить вину за страдания англичан и американцев на некомпетентность лидеров-популистов. Однако ошибались не только они. Службы здравоохранения потерпели фиаско в обеих странах. А интернет тем временем наполнился фейками о COVID-19 — и общество, внимая им, вело себя неверно, а иногда и откровенно опасно.

ГЛАВА 10. Экономические последствия

пандемии 403

В середине марта 2020 года многие страны перешли от самоуспокоения к панике — и начались “локдауны”, повлекшие за собой экономические потрясения. Верно ли было решать проблему, которую поставил перед нами COVID-19, именно так? Вероятнее всего, нет. Но и США напрасно “открылись” снова уже летом, попытавшись вернуться к нормальной жизни без надлежащей системы тестирования и отслеживания. Итог был предсказуем: пришла вторая, пусть и не столь мощная волна, а экономическое восстановление, если взглянуть на график, стало походить на “черепаху”. Сложнее было предсказать иное: почти революционный политический взрыв, связанный с проблемой расизма и поразительно сходный с массовыми движениями, набравшими силу в годы прежних пандемий.

ГЛАВА 11. Задача трех тел 435

Принято считать, что кризис, вызванный пандемией COVID-19, обрек США на упадок в сравнении с Китаем. Скорее всего, это не так. Конечно, все империи наших дней — США, Китай и Евросоюз — наломали с пандемией дров, причем каждая по-своему. Но трудно вообразить, отчего вдруг страны, которые справились с COVID-19, вдруг пожелают примкнуть к “идеальной тюрьме” Си Цзиньпина. Кризис показал, что американская держава все еще сильна во многом: в финансовом отношении, в создании вакцин, в гонке технологий... Слухи о том, что Америка обречена, вновь преувеличены. И, может быть, именно это повышает риск не только холодной, но и “горячей” войны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Грядущие потрясения 477

Мы не в силах узнать, какой станет очередная катастрофа. Наша цель скромнее: сделать наши общества и политические системы более стойкими, чем сейчас, а в идеале — и вовсе “антихрупкими”. Для этого необходимо улучшить наше нынешнее понимание сетевой структуры и проблем бюрократических аппаратов. А те, кто готов принять свойственный новым тоталитарным режимам вездесущий контроль во имя безопасности, просто забыли, что самые страшные катастрофы, упомянутые в этой книге, произошли именно в тоталитарных обществах.

Послесловие 501

Благодарности 521

Примечания 523

Список иллюстраций 631

Именной указатель 633

Географический указатель 643

Посвящается
Феликсу, Фрейе, Лахлану,
Томасу и Кэмпбеллу

Введение

*И доля горестней моя:
Вся в настоящем жизнь твоя;
А мне и в прошлом вспоминать
Ряд темных лет
И с содроганьем ожидать
Грядущих бед!*

РОБЕРТ БЁРНС
“К полевой мышши...”*

Исповедь суперраспространителя

Наверное, никогда еще за всю историю человечества мы не испытывали такой неуверенности в будущем и не были столь несведущи в отношении прошлого. В начале 2020 года, когда из Уханя пришли вести о новом коронавирусе, немногие осознали их значение. Сам я еще 26 января впервые заговорил о том, что возрос риск глобальной пандемии¹. Когда я написал об этом, меня сочли чудачком (определенно, так думали почти все делегаты на Всемирном экономическом форуме в Давосе, совершенно не видя угрозы). В то время в СМИ (от *Fox News* до *Washington Post*) было принято считать, что коронавирус для американцев не страшнее обычной зимней волны гриппа. 2 февраля я писал: “Сейчас самую населенную страну мира охватила эпидемия и вероятность того, что она перерастет в глобальную пандемию, очень высока... Но самое сложное... — это противостоять тому странному фатализму, по воле которого большинство из нас не меняет планы и не носит неудобные маски, даже когда опасный вирус распространяется экспоненциально”². В ретроспективе эти фразы читаются как завуалированное признание. В январе и феврале я путешествовал как заведенный — как и по-

* Пер. М. Михайлова. Из кн.: РОБЕРТ БЁРНС. *Стихотворения*. М., 1982. (Здесь и далее прим. пер., если не указано иного.)

чти все предыдущие двадцать лет. В январе я совершал перелеты из Лондона в Даллас, из Далласа в Сан-Франциско, оттуда в Гонконг (8 января), Тайбэй (10 января), Сингапур (13 января), Цюрих (19 января), обратно в Сан-Франциско (24 января), а потом — в Форт-Лодердейл (27 января). Пару раз я надевал маску, но через час уже не мог терпеть и снимал. В феврале я летал почти столь же часто, хотя и не так далеко: в Нью-Йорк, Сан-Валли, Бозмен, Вашингтон и Лифорд-Кей. Возможно, вы спросите, что же это за жизнь такая. Порой я в шутку говорил, что круговорот лекций превратил меня в “историка международного масштаба”. Только потом я понял, что мог оказаться одним из суперраспространителей, которые из-за своего сверхнасыщенного графика поездок разносили вирус из Азии по всему миру.

В первой половине 2020 года моя еженедельная газетная колонка стала своего рода хроникой эпидемии. Впрочем, я никогда не упоминал о том, что сам проболел почти весь февраль — причем с постоянным мучительным кашлем. (С лекциями я справлялся, налегая на скотч.) “Бойтесь за стариков, — написал я 29 февраля, — смертность у тех, кому за восемьдесят, превышает 14 %, а у тех, кому нет и сорока, она близка к нулю”. Я опустил не столь утешительные данные о мужчинах-астматиках за пятьдесят. И оставил за скобками тот факт, что дважды ходил к врачу, который каждый раз говорил мне — как тогда говорили врачи почти по всей Америке, — что доступных тестов на COVID-19 нет. Я знал лишь одно: все это серьезно и происходит не только со мной и с моей семьей.

Те, кто легкомысленно бросает: “Да это не опасней гриппа...”, упускают из виду самое главное...

С коронавирусом все неопределенно, ведь болезнь трудно обнаружить на ранних стадиях, когда многие уже инфицированы, но симптомы у них еще не проявились. Мы не можем точно сказать, сколько человек сейчас болеет, поэтому нам неизвестны ни репродуктивное число вируса, ни уровень смертности. И нет ни вакцины, ни лекарства³.

В другой статье, опубликованной 8 марта в *Wall Street Journal*, я писал: “Если в США заболевание распространится так же широко, как в Южной Корее, — с учетом разницы в численности населения, то скоро в стране будет 46 тысяч случаев и более чем 300 смертей. А если уровень смертности в США окажется столь же высоким, как в Италии, смертей будет уже 1200”⁴. На тот момент в Соединенных Штатах насчитывались лишь 541 подтвержденный случай и 22 смерти. Отметку в 46 тысяч случаев мы прошли 24 марта, а в 1200 смертей — 25 марта... всего две недели спустя⁵. 15 марта я отметил: “Вчера аэропорт имени Джона Кеннеди наполнился людьми, которые, как это происходит испокон веков во время эпидемий, бежали из большого города (и распространяли вирус)... Мы входим в паническую стадию пандемии”⁶. В тот день и я, взяв жену и двух младших детей, улетел из Калифорнии в Монтану. Здесь, в Монтане, я до сих пор и нахожусь.

Я мало писал и думал о чем-либо еще в первой половине 2020 года. Почему меня так увлекла эта тема, если моя ключевая компетенция — история финансов? Дело в том, что я очень интересовался тем, какую роль играют болезни в истории человечества, еще с тех пор, как более тридцати лет тому назад, в аспирантуре, изучал эпидемию холеры, поразившую Гамбург в 1892 году. В необычайно подробном исследовании Ричарда Эванса я познакомился с идеей, что смертность, вызванная патогеном, до некоторой степени отражает тот социально-политический строй, который он атакует. Эванс утверждал, что в Гамбурге людей убивал не только холерный вибрион, но и — наравне с ним — их убивала классовая структура, поскольку городские собственники, наделенные властью, не позволяли улучшить устаревшие системы водоснабжения и канализации. Среди бедноты смертность была в тринадцать раз выше, чем среди богачей⁷. Когда я несколько лет спустя проводил исследование для своей книги “Горечь войны”, меня поразила статистика, позволявшая предположить, что в 1918 году германская армия потерпела поражение отчасти из-за вспышки заболевания, к которой, возможно, привела “испанка”⁸. А в книге “Война всего мира” (*The War of the World*) я еще более подробно рассмотрел исто-

рию пандемии 1918–1919 годов и показал, что Первая мировая война закончилась двойной пандемией — не только гриппом, но и такой идеологической заразой, как большевизм⁹.

В 2000-х годах я занимался исследованием империй и тоже проводил экскурсии в историю заразных заболеваний. Рассказывая о европейских колонистах в Новом Свете, нельзя умолчать о том, что болезни были призваны “проредить индейцев и освободить место для англичан”, как бессердечно выразился Джон Арчдейл, губернатор Каролины в 1690-х годах. (Вторую главу в книге “Империя” я назвал “Белая чума”.) А еще меня поразило, сколь много британских солдат, служивших вдали от родины, погибло от тропических болезней. Шанс военного пережить службу в Сьерра-Леоне был крайне низким — умирал каждый второй¹⁰. В “Цивилизации” я посвятил целую главу тому, какую роль современная медицина сыграла в экспансии Запада, а именно в колонизации и усилении политического влияния. Я показал, что колониальные власти значительно улучшили наши знания о заразных заболеваниях и нашу способность их контролировать. Причем порой их методы были очень жестоки, и я этого не скрывал¹¹. “Великое вырождение” откровенно предупреждало, что мы стали более уязвимы перед “случайными мутациями вирусов наподобие гриппа”¹², а “Площадь и башня”, по сути, рассказывала историю мира, исходя из того, что “быстроту и охват распространения заразы определяют не только сами вирусы, но и характер разносящей их сети”¹³.

Я пишу эти строки в начале сентября 2020 года. Пандемия COVID-19 еще далека от завершения. Уже подтвердилось примерно 26 миллионов случаев заболевания, и, если судить по данным о серопревалентности по всему миру, это лишь малая часть тех, кто заразился вирусом SARS-CoV-2¹⁴. Общее число умерших приближается к 900 тысячам человек, и цифра явно занижена, поскольку статистика из ряда крупных стран (в особенности из Ирана и России) не внушает доверия. А жертв все больше, и их количество в целом растет более чем на 6 % в не-

* Пер. И. Кригера.

** Пер. Т. Азаркович.

делю, не говоря уже о числе тех, чье здоровье подорвано навсегда: сколько их — этого еще никто не определил. С каждым днем все вероятнее, что лорд Рис, британский королевский астроном, выиграет пари у Стивена Пинкера, психолога из Гарварда, и “биотерроризм либо биологическая ошибка в течение шести месяцев, считая с 31 декабря 2020 года, в рамках одного события приведут к миллиону жертв”¹⁵. Некоторые эпидемиологи заявляли, что без радикального социального дистанцирования и экономических локдаунов окончательное число жертв могло бы составить от тридцати до сорока миллионов¹⁶. Конечно, оно уже не станет столь высоким — из-за ограничений, наложенных правительствами, а также из-за того, что само общество стало вести себя иначе. Однако те же самые немедикаментозные меры потрясли мировую экономику намного сильнее, чем финансовый кризис 2008–2009 годов, — а возможно, что и так же серьезно, как Великая депрессия.

Зачем писать историю пандемии сейчас, когда она еще не завершилась? Все просто: моя книга — это не история нашей обескураживающей постмодернистской болезни, — хотя в двух завершающих главах (девятой и десятой) я и попытаюсь очертить абрис такого замысла. Это общая история катастроф, в число которых входят не только эпидемии, но и вообще все виды бедствий: геологические (землетрясения), геополитические (войны), биологические (пандемии), технологические (ядерные аварии). Падения астероидов, извержения вулканов, экстремальные погодные явления, голод, страшные аварии, экономические кризисы, революции, войны и геноцид — здесь вся наша жизнь и очень много смерти. Ведь как нам, ничего не зная о них, верно увидеть беду — хоть свою, хоть любую другую?

Очарование рока

Эта книга исходит из предпосылки, что мы не можем изучать историю катастроф, как природных, так и рукотворных (впрочем, эта дихотомия, как мы еще увидим, мало оправдана), в от-

рыве от истории экономики, общества, культуры и политики. Крупные бедствия редко бывают вызваны лишь внешними причинами — исключением можно считать разве что падение массивного астероида, которого не случилось уже 66 миллионов лет, или вторжение пришельцев, которого не случилось вообще никогда. Даже самое страшное землетрясение катастрофично лишь настолько, насколько распространилась урбанизация вдоль линии разлома — или вдоль побережья, если за этим землетрясением придет порожденное им цунами. Пандемия складывается из нового патогена и атакованных им социальных сетей. Нам не понять масштаб заражения, изучая только сам вирус, поскольку он заразит ровно столько людей, сколько ему позволят заразить упомянутые сети¹⁷. В то же время катастрофа срывает покровы с поражаемых ею обществ и государств. Это момент истины, момент откровения: в его свете одни предстают хрупкими, другие — стойкими, третьи — “антихрупкими”, способными не только выдержать бедствие, но и благодаря ему окрепнуть¹⁸. У катастроф есть серьезные экономические, культурные и политические последствия, многие из которых парадоксальны.

Все общества живут в неопределенности. Даже древнейшие цивилизации, о которых до нас дошли сведения, прекрасно понимали, сколь уязвим *Homo sapiens*. С тех пор как род человеческий начал запечатлевать свои мысли в искусстве и литературе, вероятность вымирания — или “конца света” — возросла до угрожающих масштабов. Как мы увидим в первой главе, перспектива апокалипсиса — грандиозного последнего, Судного дня — занимала в христианском богословии центральное место, после того как о нем пророчествовал сам Иисус. Драматическую развязку, о которой повествовало Откровение Иоанна Богослова, пророк Мухаммед внес в ислам. Подобные картины разрушения мы находим и в других вероисповеданиях, даже в тех, которым более свойственна цикличность, — в индуизме и в буддизме, — а кроме того, в скандинавской мифологии. Часто, и временами неосознанно, мы, современные люди, толкуем в эсхатологических терминах смысл пережитых